

Глава 19: Волчье логово

На выходных Ли Жань поехал не к Ли Ану, а к матери.

Он сел в метро.

Снова два с лишним часа в пути.

Войдя в вагон, юноша привычно встал в углу у двери и молча наблюдал за толпой. Несмотря на тесноту, Ли Жаню нравились такие поездки.

Вагон слегка покачивался, царил тишина. Большинство пассажиров, склонив головы, смотрели в телефоны. Некоторые задумчиво разглядывали потолок, другие дремали. Кто-то, заснув, ронял голову на плечо соседа, и тот резко его отталкивал.

Ли Жань завидовал этому жесту.

Он знал: если бы кто-то случайно заснул на его плече, он бы замер и не двигался, пока человек не проснулся бы сам или не проскочил свою станцию, внезапно вздрогнув от испуга.

На каждой остановке люди входили и выходили, незнакомые лица сменяли друг друга. Только двое парней, похоже, ехали тем же маршрутом. За два часа они ни разу не вышли.

Они выглядели как студенты, возможно, соседи по комнате. Один из них с лучезарной улыбкой без умолку что-то рассказывал другому.

«Какая крепкая дружба», — подумал Ли Жань.

А потом они взялись за руки, переплетя пальцы...

Глаза Ли Жаня едва не полезли на лоб — это был самый прямой способ выразить шок для человека, совершенно не умеющего скрывать свои чувства. Но он сдержался и поспешно отвёл взгляд, уставившись на лысину стоявшего впереди мужчины. Она блестела так, будто её натерли до блеска.

Это было метро, суббота, общественное место. Вокруг было слишком много людей, чтобы позволять себе открыто глазеть.

Но когда парни снова начали смеяться, Ли Жань, вопреки здравому смыслу, нет-нет да и бросал на них любопытные взгляды. В его глазах их отношения из крепкой дружбы превратились в нечто совершенно иное.

Казалось, их это нисколько не смущало. Да и окружающие не выказывали особого удивления. Одна девушка даже, прикрыв рот рукой, украдкой их сфотографировала.

«Как мужчины могут встречаться? — невольно задумался юноша. — Они ведь не могут делать то, что делают мужчина и женщина. И детей у них быть не может».

Когда Ли Жань с двумя коробками в руках подошёл к двери квартиры Бай Цинцин, эти мысли мгновенно вылетели у него из головы. Если бы мать узнала, о чём он размышляет, она бы точно не полезла за словом в карман и устроила бы ему взбучку.

Дверь открыла не Бай Цинцин.

— Блатик... ты плисё-ёл! — воскликнула одна из его сестёр, стоявшая на табуретке, чтобы дотянуться до ручки. Она мило улыбнулась. — Блатик!

Другая девочка стояла позади и, увидев, что сестра справилась с задачей, радостно хлопала в ладоши.

— Маадес, сестлёнка, маадес!

Ли Жань поспешно поставил подарки, снял малышку с табуретки и осторожно опустил на пол.

— Это опасно. Где мама?

— На кухне, готовлю! — крикнула Бай Цинцин. — Не обращай на них внимания. В последнее время они только и делают, что носятся с этой табуреткой. Это их главное орудие для завоевания мира и превращения в Белоснежек. Несносные стали, просто сил нет.

Дядя Чжао, стоявший рядом, рассмеялся:

— Ну что ты, они такие милые.

— Вот так ты их и балуешь, — Бай Цинцин закатила глаза, но её властность в присутствии этого мужчины заметно смягчалась.

Дядя Чжао лишь добродушно улыбался.

Войдя в гостиную, Ли Жань заметил на журнальном столике толстый фотоальбом. В нём были собраны все счастливые моменты новой жизни Бай Цинцин: кадры с дядей Чжао, фотографии их дочерей, тёплые семейные вечера.

И фотографии Ли Жаня.

Их было немного, он не любил позировать, но мать распечатала всё, что было, и бережно вклеила в альбом. В основном это были снимки, сделанные до его четырнадцатилетия.

Дядя Чжао никогда не возражал, принимая прошлое Бай Цинцин без остатка.

Последние несколько дней женщина показывала альбом дочерям, обучая их узнавать папу, маму и старшего брата. Поэтому сегодня двухлетние близняшки так уверенно побежали открывать дверь, едва услышав его имя.

Ли Жань играл с ними на коврике в гостиной, порой даже пытаясь сжульничать. В эти минуты он и сам напоминал двухлетнего ребёнка.

Домой он возвращался в прекрасном настроении. Пока шёл от метро до старого жилого комплекса, в его наушниках играла какая-то мелодичная песня.

Он не стал ужинать у матери, чтобы не возвращаться по темноте. В прошлый раз, когда он приехал в полдевятого, Бай Цинцин очень волновалась, хотя идти от остановки было всего пять минут. Сегодня она начала выпроваживать его ещё в четыре часа дня, чтобы к шести он уже был дома, пока на улице светло.

Тётя Ван, хозяйка его квартиры, сидела на лавочке у подъезда в окружении соседок. Они лузгали семечки и вели неспешные беседы — в этом месте время словно замедляло свой бег. На площадке неподалеку стояли тренажёры для пожилых, но старики пользовались ими редко, в основном там проводила время молодёжь.

Ли Жань видел это не раз.

Тётя Ван и её подруги, с которыми она была знакома по меньшей мере лет тридцать, сидели на складных табуретках, наслаждаясь субботним вечером.

— Слышь, Лао Ван, говорят, твоего сына переводят из-за границы обратно в Китай? — спросила одна из соседок. — В следующем месяце возвращается, да? Не думала стол накрыть по такому случаю?

Тётя Ван сплюнула шелуху, сгребая её ногой в кучу, чтобы позже было удобнее прибраться после их «женских посиделок». С напускным ворчанием, за которым скрывалось явное удовлетворение и гордость, она ответила:

— А ты что, мало у меня ела? Когда мой сын присылал подарки из-за границы, разве я кого-то обделяла? Бессовестные вы бабы, всё вам мало.

Остальные женщины со смехом запротестовали:

— Ну это ты загнула! Мы-то тут при чём?

— Но если серьёзно, — продолжила одна из подруг, — А-Фэй ведь жениться собирается. Они уже купили машину или квартиру?

— Машина есть, служебная — он на хорошем счету в компании, — пояснила тётя Ван. — А насчёт жилья сын с невесткой уже договорились: у них есть накопления, ещё пару лет подкопят и купят сразу за наличные. Не хотят они в ипотеку лезть.

— И правильно! Ипотека сейчас всю молодёжь задавила. Мой племянник вон недавно хотел с работы уволиться, отдохнуть немного, а не может. Хоть и не женат, и детей нет, а всё равно — квартира в ипотеке, деваться некуда...

— Да уж, времена тяжёлые.

— А где А-Фэй с женой жить-то будут, когда приедут? С вами ведь тесно, молодым своё пространство нужно. У тебя же вроде квартира сдаётся? Этот Ли Жань... о, а вот и Сяо Жань идёт!

Площадь находилась как раз на пути к подъезду, и юноше было не миновать их компании.

— Здравствуйте, тётушки, — вежливо поздоровался он. Затем отдельно кивнул хозяйке: — Тётя Ван.

— Здравствуй, здравствуй, Сяо Жань! — поспешно отозвалась та. — Иди скорее домой, не слушай, что эта болтушка несёт.

Когда Ли Жань отошёл на достаточное расстояние, тётя Ван легонько шлёпнула подругу, заговорившую о аренде.

— Да что ж ты язык-то не придержишь! Мальчик он очень чувствительный, всё к сердцу принимает.

— Правда? — удивилась та. — Я и не замечала, он ведь почти не разговаривает. Но до чего же хорош собой...

— Эх, ничего-то ты не понимаешь, — махнула рукой тётя Ван.

Она подхватила свой табурет и пошла к дому, на прощание велев подругам чисто подмести за собой шелуху. С того самого дня, как сын объявил о возвращении, она думала о квартире, в которой жил Ли Жань, но никак не могла подобрать слов для разговора.

Юноша жил здесь с самого рождения. Тогда эта квартира пустовала, и семье Ли было выгодно её снимать. Когда её собственный сын вырос и уехал учиться, а затем и работать за границу, нужды забирать жильё не было. Но теперь А-Фэй возвращался, чтобы создать свою семью.

Ей было бесконечно жаль этого «маленького бедняжку».

Вернувшись в квартиру, Ли Жань вовсе не чувствовал себя несчастным. Услышав разговор соседок, он просто понял: пришло время уходить. Он помнил всю доброту, которой окружала его тётя Ван все эти годы.

Это была просторная двухкомнатная квартира, чистая и уютная, с мебелью, которую хозяйка с любовью подбирала много лет назад. Поскольку жильё было съёмным, Бай Цинцин и Ли Ан всегда откладывали деньги на свой дом и не покупали сюда ничего крупного.

Когда родители развелись и Ли Ан съехал, забрав свои вещи, комнаты опустели наполовину. Хотя по документам Ли Жань остался с отцом, жили они вместе редко — таков был их негласный уговор с матерью. Бай Цинцин не позволила бывшему мужу забрать сына с собой.

Через два года она снова вышла замуж и тоже уехала, забрав свои наряды, украшения и косметику. Квартира опустела ещё больше.

С тех пор Ли Жань привык к одиночеству. Отец ежемесячно присылал деньги на аренду и жизнь. Мать поначалу тоже помогала, но после рождения дочерей расходы в её новой семье выросли, и юноша сам попросил её больше не присылать переводы.

Личных вещей у Ли Жана было до смешного мало. Он всегда знал, что это место — лишь временное пристанище, и в любой момент был готов сорваться с места.

Тётя Ван, жалея его, брала за аренду всего пятьсот юаней в месяц, не требуя залогов и оплаты за несколько месяцев вперёд. Ли Жань понимал это, хотя хозяйка думала, что он не знаком с правилами рынка.

Он оглядел комнаты. Пора было искать новый дом. Вещей было немного, собраться — дело одного вечера. Он открыл чемодан и начал складывать одежду. Почему-то в этот момент он вспомнил госпожу Ли, которая уехала отсюда, поклявшись никогда не возвращаться.

Она оставляла не просто стены, а всё своё прошлое. Теперь это предстояло и ему.

Но госпожа Ли переезжала в собственный дом.

А у него дома больше не было.

В этот момент завибрировал телефон. Чи Мо не любил писать сообщения, считая это слишком медленным занятием, поэтому звонил сразу.

— Господин Чи, — ответил Ли Жань.

— Что случилось? — Чи Мо, собиравшийся говорить по делу, мгновенно уловил перемену в его голосе. — Тебя кто-то обидел?

Юноша моргнул.

— Нет.

— Мгм, — Чи Мо не стал допытываться. — Приезжай ко мне на ужин.

— Уже темнеет.

— Я за тобой заеду. Жди.

Ли Жань растерянно посмотрел на погасший экран. Он послушно сел на диван и стал ждать. Минут через десять в дверь постучали.

— ...Господин Чи.

— Мгм.

Дверь была открыта почти настежь, и Чи Мо без тени смущения оглядел обстановку. Его взгляд, словно лазерный сканер, бесцеремонно прошелся по квартире, в которой вырос Ли Жань.

Первым делом он заметил раскрытый чемодан и стопки одежды.

— Негде жить? — спросил Чи Мо.

Вопрос прозвучал как неоспоримый факт. Сердце Ли Жаня болезненно сжалось. Он инстинктивно вышел в коридор и закрыл за собой дверь, так и не найдя слов для ответа. Он совсем не хотел обсуждать это с ним.

— Переезжай ко мне, — отрезал Чи Мо.

Он не оставил юноше времени ни на удивление, ни на лишние вопросы, поставив жирную точку в разговоре.

— Ты будешь меня слушаться, Ли Жань.

<http://bllate.org/book/15969/1501310>